

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Снова народы Европы встрѣчаютъ величайшій христіанскій праздникъ въ обстановкѣ, являющейся отрицаніемъ святыхъ Христовыхъ заветовъ. Воскресшая любовь среди воскресающей природы, вмѣсто заповѣданнаго Христовымъ ученіемъ царства всеобщаго братства народовъ, опять увидитъ царство международной брани, кровавый паръ меча, огня и желѣза, — паръ, которому пока конца не видно.

Для вѣрующаго человека, привыкшаго въ движеніи своей души, всѣ свои помыслы и стремленія направлять въ соответствии съ усвоенными истинами христіанскаго ученія, въ этомъ ужасающемъ противорѣчьи между христіанскими идеалами и кровавой дѣйствительностью таится источникъ тяжелыхъ нравственныхъ мукъ и сомнѣній. И много надо вѣры, высокой и живой вѣры въ торжество вѣчной Божьей правды, вѣры въ человека и въ крѣпость заложенныхъ въ его природѣ нравственныхъ началъ, чтобы не согнуться подъ бременемъ этихъ мукъ и сомнѣній и не впасть въ отчаяніе. И много надо выносливости и терпѣнія, чтобы въ дикомъ вихрѣ разнуздавшейся вражды и злобы не уклониться съ того истиннаго пути, въ концѣ котораго арміей святоцемъ надежды сияетъ убѣжденіе, что промчится грозная буря, исчерпавъ черныя тучи и на безоблачномъ небѣ лучезарное солнце опять загорится радостной вѣстью о новой жизни, свободной отъ буре и потрясеній.

Мы, русскіе, можемъ быть, братья другихъ народовъ въ общерипинномъ смыслѣ вѣшняго, матеріальнаго благополучія. Но нашъ народъ богатъ вѣрою, терпѣніемъ, покорностью судьбѣ и выносливостью, помогающими ему пережить всѣ испытанія, встречающіяся на пути его свыше чѣмъ тѣлесной сознательной исторической жизни. Эти свойства русской народной души дадутъ силы перенести и нынешнюю невзгоду. Народъ вѣрнѣе въ это и съ этой вѣрою внимаешь свѣтлой вѣсти о Воскресеніи. Будемъ же и мы, считающіе себя солью русской земли, вмѣстѣ съ народомъ въ этой его великой вѣрѣ.

И пусть каждый изъ насъ скажетъ словами поэта:

Тебѣ, Воскресшему, молюсь:
Подъ звуки благодатной вѣсти—
„Христосъ воскресъ!“ — и ты воскресни,
Моя измученная Русь!..

Христосъ воскрес!

Сколько радости въ этомъ привѣтѣ христіанскому миру! Жива правда у Бога. Истина не умираетъ. Нужны-ли доказательства? Они въ двухъ этихъ словахъ: „Христосъ воскресъ“. Правда ясна, какъ яркое солнце весенняго дня. Она чувствуется сегодня всѣмъ нашимъ существомъ, ощущается трепетными сердцами вѣрующихъ. Какая радость! Безмятежна, неизгаголаемая... Разговоримъ же въ ней всѣ наши скорби, забудемъ обиды, отринемъ неправды. Возлюбимъ, обмыслимъ другъ друга. Обнимемъ всѣхъ и всѣхъ, живыхъ и умершихъ, кому дорога правда. Выйдите изъ вашихъ гробовъ, святые правдолюбцы! Встаньте съ бранныхъ полей, вой и виллаи! Поднимитесь со дна морского, Христу послушавшіе! Святите къ намъ священными тѣлами, святыя души за истинную жизнь свои пожизненныхъ. Раздѣлите нашу общую радость. *Христосъ бо возста, вселеніе ясное.* Спобребишиа Христу вчера, совостанте днесь воскресу Ему. Жива правда. Нанболѣе полною жизнью живутъ среди насъ и умершіе за насъ. Безымянная злоба людская. Ни огонь, ни вода, ни мечъ, ничто не можетъ правды истребить. Поправь ее можно, но не уничтожить. Вчера мы видѣли безпримѣрное надругательство надъ нею. Единственный разъ, за все существованіе вселенной, Истина, доплатившись на землѣ въ лицѣ Богочеловѣка-Христа, пришла къ людямъ во всей полнотѣ, предстала миру во всемъ обаяніи небесной красоты. И что же? *Слѣдше воежди салннхъ, фанатичные страхи правды земной, не плѣнялись красотой небесной, вѣчной Истины.* Надругались надъ Нимъ, ослепели Ею, раздробили руки и ноги, украсили царственное чело Ея терновымъ вѣнцомъ, распяли среди злодѣевъ, пронзили сердце Ея копьемъ. Добрые люди и близкіе Ей скалились, слезы Ею со креста, погребли, поплакали... А враги привалили камень, печать приложили и страху приставили... Они готовы были торжествовать побѣду. Но правда непобѣдима... Истина расторгла узы смерти, разрушила преграду, сложила печать, повергла долу страху. Христосъ воскресъ, торжествуетъ жизнь и радость вѣчна! Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемса и совеселимса въ оны!

Протоіерей Несторъ Шаравескій.

„Ангель же, обративъ рѣчь къ женщинамъ, сказалъ: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищите Иисуса распятаго; Его здѣсь нѣтъ; Онъ воскресъ, какъ сказалъ“.

(Евангеліе отъ Матвея XXVIII, 5—6).

Какъ ясенъ сводъ безоблачной лазури..
Блаженный миръ тамъ въ глубинѣ небесъ,
Все говорить: „Христосъ Воскресъ!“
А на землѣ—гроза военной бури,—
Шумять моря, дрожить земная твердь..
О, Господи, Ты, побѣдившій смерть,
Въ великій часъ святого Воскресенья
Роднымъ бойцамъ дай силу одолѣнья!
Того, кто живъ, храня, благослови,
Да будутъ дни ему и радостны, и многи,
Того, кто палъ,—съ улыбкою любви
Прійми къ Себѣ въ предвѣчные чертоги!..

—Издавекъ съ привѣтствіемъ святымъ
Мы шлемъ поклонъ и мертвымъ, и живымъ,
Мы простираемъ къ нимъ горячія объятія:
„Христосъ Воскресъ!..—бойцы—друзья и братья!
Христосъ Воскресъ!.. Пусть этотъ возгласъ милый
Для сердца русскаго посподу прозвучитъ,
И тамъ, гдѣ сонъ царитъ нѣмой могилы,
И тамъ, гдѣ жизнь трепещетъ и горитъ!..
Христосъ Воскресъ!.. съ надеждой благодатной,
Сквозь гулъ и громъ всѣхъ огненныхъ завѣтъ,
Мы ждемъ отъ васъ отвѣта троекратно,
Герои родины: „Воистину Воскресъ!..“

Ю. В. Ревякинъ.

РАДОСТЬ.

Рассказъ.

Ю. В. Ревякина.

I.

Лѣсникъ Войтко вышелъ изъ хаты солдатки Моти при нѣсколькихъ странныхъ обстоятельствахъ. На крыльцѣ сначала показались его тощи ноги съ голенищами, подвязанными ниже коленъ шнурками; ноги эти въ видѣ брочковъ прямо ланузи въ талый снѣгъ, совершивъ несобственно красивый и ловкій прыжокъ. После этого уже можно было увидѣть согнутую спину Войтка и въ весьма близкомъ разстояніи отъ нея вышнптый рукавъ близой сорочки солдатки Моти, а возлѣ него болшой сильно обугленный хватъ, которымъ обыкновенно бабы переставляютъ въ печи горшки. Ухватъ очень ловко стукнулъ по спинѣ Войтка, послѣ чего дверь хаты захлопнулась, а лѣсникъ, сдѣлавъ по разгону еще нѣсколько невѣрныхъ усерднпныхъ шаговъ, поправилъ шапку, съхватилъ на заплечья, загнувъ ружье за плечо и углубился въ кусты, по узкой тропинкѣ.

Проидя съ видимымъ негодованіемъ около тысячи шаговъ, лѣсникъ Войтко остановился подъ корявымъ низкорослымъ дубкомъ, закурилъ папиросу изъ корешковъ въ газетномъ обрывкѣ и началъ неистово плевать во всѣ стороны. Мышнпные глазки его подъ рыжеватыми бровями неспокойно слезали въ орбитахъ, сбита въ сторону жидкая бородавка тряслась, какъ у раздраженнаго козла.

— А чтобъ ты подохла!.. бросай огурокъ въ снѣгъ, прокричалъ, навосяетъ, Войтко,—смотри, какъа вѣрналъ, не успѣлъ къ ней и руку протянуть, а она уже за рогачъ схватилась... Ну, погоди, волоче отродье, будешь ты меня помнить! Сказавъ послѣднія слова, лѣсникъ угрожающе потрясъ пальцемъ по направленію въ хатѣ солдатки Моти и рѣшительно отправился на лѣсовальню, гдѣ жилъ его болшой пріятель, слесарь и механикъ Иванъ Рыбака.

Закончивъ дневную работу, Рыбака сидѣлъ возлѣ законченной лампы съ треснувшимъ стекломъ и коварно замышлялъ своего ружья. Вскорѣ должны были начать токовать глухари, въ виду чего онъ рѣшилъ хорошо обогреть и осматрѣть свои охотничьи снаряды.

При видѣ воедшаго Войтка широкое, будто лопата, лицо Рыбаки, все испещренное оспинами, просило весельемъ, черные и неболшыя, какъ коринки, глаза уставились на пріятеля.

— А, добраго вечера, пане-Войтко, какъ изволите поживать?.. проревѣвъ Рыбака голодосъ, напомнившпши автомобильную сирену.

— Спасибо, хорошо!—вслезо отвѣтилъ Войтко.

Взглянувъ еще разъ внимательно на своего пріятеля, Рыбака лено поглядѣлъ, что онъ поживаетъ вовсе нехорошо и видимо чѣмъ-то озабоченъ.

— Лицо-то у васъ, пане Войтко, очень недовольно, ужъ не промазали-ли опять по лиснѣ?

— Лишца, не лишца,—прокричалъ, изображая на своемъ морщинистомъ лицѣ улыбку, лѣсникъ, но, если-бы вы мнѣ, Рыбака, помогли въ одномъ дѣлѣ, то, будь я проклятъ и на этомъ, и на томъ свѣтѣ, если не «обсаку» вамъ на току трехъ глухарей!..

— Ого, за такую награду я бы вамъ и черта за рога схватилъ!.. воскликнулъ Рыбака, откладывая въ сторону замышля...

— Дѣло-то пустячное, только секретное... Потому что, какъ вы мнѣ пріятель... не рѣшительно началъ Войтко и въ видимомъ замѣшательствѣ почесалъ за ухомъ.

— Ну, ну, можете во мнѣ не сомнѣваться. Секретъ, такъ секретъ, я вѣдь не баба! поиритительно замѣтилъ Рыбака,—говорите прямо, въ чѣмъ дѣло, а я, если въ силахъ, помогу, только, только, чтобѣ глухари были!..

— Это, какъ пить дать, глухари у меня точно въ собственной хатѣ сидятъ...

Послѣ этого предисловія Войтко близко подвинулся къ своему пріятелю и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Напшите мнѣ, пане Рыбака, писемцо оццо... Это я васъ прошу... только присягните сначала, что никому въ свѣтѣ не скажете.

— Ну, вотъ вамъ—крестъ святой!.. сильно заинтересованный прогудѣвъ Рыбака.

— Хорошо... вы человекъ сильно грамотный, такъ вотъ я хочу, значить, это писемцо послать солдаткѣ Мотѣ...

— А!.. удивленно протянулъ Рыбака,—отой чернороброй молодичкѣ, что живетъ на порубѣ?..

— Именно такъ...
— Эге-ге, пане Войтко, внишъ за кѣтъ онъ возлечетъ, заблнши свое цвѣсто!..

— Обиду я на нее таю и хочу съ нею крестъ устроить... Такъ напишете?..

— Лишь бы глухари были!.. охотно отвѣтилъ Рыбака, причѣмъ широко лицо его открыло цѣлый рядъ желтыхъ какъ лигварь зубовъ. Напшину, да еще такой почеркъ сдѣлаю, что никто въ свѣтѣ не узнаетъ!.. Ого, а на ото мастеръ!

— Такъ вотъ, пане Рыбака, напишите ей такое писемцо, будто отъ товарища, или тамъ отъ какого «мундиръ-офицера», что ей мужъ уже убитъ, и чтобѣ, значить, она его не ждала...

— Ахтрѣ!.. подвинувъ чернымъ гдзкомъ, воскликнулъ Рыбака,—мы такая штука въ городѣ дѣвушкамъ отпалавали... Только что-жъ, она это писемцо получитъ, а потомъ прійдетъ отъ мужа настоящее...

